

УДК 343.14

DOI: 10.19073/2658-7602-2025-22-3-503-514

EDN: NISNMB

Оригинальная научная статья

Показания и объяснения гражданского истца в уголовном процессе: пробелы законодательного регулирования

А. В. Хомякова *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация*✉ avhomyakova@sfn.edu.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности института гражданского иска в уголовном процессе России, акцентировано внимание на проблемах взаимодействия уголовно-процессуальных и гражданско-правовых механизмов. Анализируется нормативная база, регламентирующая статус гражданского истца, выявляются недостатки действующего законодательства, препятствующие полноценной защите прав потерпевших. Основные положения статьи касаются нормативных аспектов, определяемых Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также сложившихся подходов судебной практики. Обосновывается вывод о несоответствии формальной структуры уголовного судопроизводства специфике гражданско-правовых споров, возникающих вследствие уголовных правонарушений. Особое внимание уделяется распределению прав и обязанностей по доказыванию, вопросам признания доказательствами показаний и объяснений гражданского истца, которые, будучи юридически значимыми для доказывания ущерба и его компенсации, формально не входят в перечень допустимых доказательств по уголовному делу. Предлагаются пути совершенствования существующего регулирования, направленные на упрощение процедуры доказывания и усиление гарантий защиты интересов потерпевших. Подчеркивается необходимость гармонизации норм гражданского и уголовного процессов, способствующей повышению эффективности институтов защиты прав жертв преступлений. Высказаны предложения о внесении изменений в уголовно-процессуальный закон для придания доказательственного значения объяснениям гражданского истца. Выводы автора подтверждают необходимость развития института гражданского иска для повышения доступности правосудия и соблюдения принципа полного возмещения ущерба потерпевшим. На основании исследования доктринальных положений, норм уголовно-процессуального и гражданского законодательства, а также материалов судебной практики выявляются ключевые особенности и противоречия института, предлагаются пути их разрешения для обеспечения эффективной защиты имущественных прав потерпевших.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном процессе; доказывание; предмет доказывания; потерпевший; гражданский истец; вред; уголовно-процессуальные доказательства; показания; объяснения

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Хомякова А. В. Показания и объяснения гражданского истца в уголовном процессе: пробелы законодательного регулирования // Сибирское юридическое обозрение. 2025. Т. 22, № 3. С. 503–514. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-3-503-514>. EDN: <https://elibrary.ru/nisnmb>

Original scientific article

Testimony and Explanations of the Civil Plaintiff in Criminal Proceedings: Gaps in Legislative Regulation

A. V. Khomyakova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ avhomyakova@srfedu.ru

Abstract. The article examines the features of the institution of the civil claim in Russian criminal proceedings, focusing attention on the problems of interaction between criminal-procedural and civil-law mechanisms. It analyzes the regulatory framework governing the status of the civil plaintiff and identifies shortcomings in current legislation that hinder the full protection of victims' rights. The main provisions of the article concern normative aspects determined by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as established approaches in judicial practice. The conclusion is substantiated that the formal structure of criminal proceedings does not correspond to the specifics of civil-law disputes arising as a result of criminal offences. Particular attention is paid to the allocation of rights and duties in relation to proof, and to the issue of recognizing as evidence the testimony and explanations of the civil plaintiff which, although legally significant for proving damage and its compensation, do not formally fall within the list of admissible evidence in a criminal case. Paths are proposed for improving the existing regulation aimed at simplifying the evidentiary procedure and strengthening guarantees for the protection of victims' interests. The necessity is emphasized of harmonizing the norms of civil and criminal procedure to enhance the effectiveness of institutions protecting the rights of crime victims. Proposals are made to amend criminal-procedural law to give evidentiary value to the civil plaintiff's explanations. The Author's conclusions confirm the need to develop the institution of the civil claim to increase access to justice and ensure the principle of full compensation for damage to victims. Based on a study of doctrinal provisions, norms of criminal-procedural and civil legislation, and judicial practice materials, the key features and contradictions of the institution are identified, and ways to resolve them are proposed to ensure effective protection of victims' property rights.

Keywords: civil claim in criminal proceedings; proof; subject of proof; victim; civil plaintiff; damage; criminal-procedural evidence; testimony; explanations

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Khomyakova A. V. Testimony and Explanations of the Civil Plaintiff in Criminal Proceedings: Gaps in Legislative Regulation. *Siberian Law Review*. 2025;22(3):503-514. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2025-22-3-503-514>. EDN: <https://elibrary.ru/nisnmb> (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Институт гражданского иска в уголовном деле является важным правовым инструментом, позволяющим одновременно разрешать вопросы уголовной ответственности виновного лица и обеспечивать возмещение материального ущерба и компенсацию морального вреда, нанесенных противоправным деянием. Данная форма юридической интеграции направлена на повышение эффективности правосудия

путем оптимизации процесса восстановления нарушенных прав пострадавших лиц. Она позволяет избежать дублирования процедур, минимизировать затраты временных и материальных ресурсов органов уголовного судопроизводства и исключить возможность возникновения коллизий между решениями различных судов. Согласно статистическим данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, в период с 2023

по 2024 г. российские суды рассмотрели свыше 205 тыс. исковых заявлений, связанных с уголовными делами, удовлетворив заявленные требования на общую сумму почти 300 млрд руб.¹, что подтверждает значимость и практическую востребованность данного института. Вместе с тем в литературе отмечается невысокая степень реализации цели по эффективной защите субъективных гражданских прав потерпевших и обеспечению скорейшего их доступа к правосудию, которую, как полагает Т. Е. Сушина [1, с. 137], преследовал законодатель, сохранив институт гражданского иска в уголовном процессе, известный со времен Устава уголовного судопроизводства². Использование этого механизма сопряжено с рядом трудностей, обусловленных различиями в правовых нормах, статусе участников процесса и методах установления обстоятельств, что требует глубокого анализа и выработки оптимальных решений.

Нормативная основа гражданского иска в уголовном процессе определяется ст.ст. 44 и 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), устанавливающими правовой статус участников гражданско-правового спора, возникшего вследствие причинения вреда преступлением. Статья 299 УПК РФ предусматривает обязанность суда разрешать вопросы, касающиеся предъявленных исковых требований, при постановлении приговора. Суть данного института состоит в возможности потерпевшей стороны обратиться с требованием о возмещении убытков, вызванных противоправным деянием, непосредственно в рамках уголовного производства. Этот механизм

обуславливает ключевое отличие порядка доказывания: доказательства собираются, проверяются и оцениваются согласно общим нормам УПК РФ (глава 11), однако устанавливаются факты, имеющие значение для оценки обязательств гражданско-правового характера. Таким образом, возникает объективное несоответствие между уголовно-процессуальной формой и сущностью гражданско-правового спора.

При вынесении итогового решения по уголовному делу, помимо обязательных вопросов, суд также рассматривает вопросы, касающиеся гражданского иска, предъявленного потерпевшим лицом. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 13 октября 2020 г. № 23³ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 23), суд определяет наличие оснований для удовлетворения иска, сторону, в пользу которой принимается решение, и сумму возмещения ущерба, основываясь на всестороннем исследовании всех представленных в ходе судебного разбирательства доказательств, отраженных в мотивировочной части приговора. Следовательно, как и любой судебный акт, такое решение должно подкрепляться надлежащими, признанными допустимыми фактическими данными.

Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве определяется соблюдением правила об их получении исключительно из законных источников, предусмотренных закрытым перечнем, указанным в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Однако этот перечень не включает показания и объяснения гражданских истцов,

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 2025. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 15.07.2025).

² Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8: Судебная реформа. С. 120–251.

³ О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу : Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 13 окт. 2020 г. № 23 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2020. № 12.

следовательно, такие сведения не признаются источником доказательств согласно нормам уголовного процесса. Учитывая категорический запрет на применение недопустимых доказательств, мы приходим к выводу, что показания гражданского истца не могут служить основой для вынесения судебного акта ни по существу дела, ни относительно удовлетворения либо отказа в удовлетворении предъявленного гражданского иска.

Несмотря на отсутствие четкого определения предмета доказывания применительно к исковым заявлениям в рамках уголовного процесса, используя устоявшийся подход гражданского процессуального права, представляется возможным обозначить следующие ключевые компоненты: непосредственно событие нанесения ущерба; объем причиненного вреда; установление конкретного субъекта, совершившего противоправные действия; наличие вины лица, нанесшего ущерб (при условии, что вина выступает основанием гражданской правовой ответственности).

Хотя материальные убытки могут быть доказаны посредством различных допустимых способов, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, установление морального ущерба требует учета индивидуальных ощущений потерпевшего, свидетельствующих о перенесении им физических страданий либо нравственных переживаний. Согласно п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 физические страдания включают физическую боль, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, нравственные – страдания, относящиеся к душевному неблагополучию, например, чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности⁴. Для подтверждения факта нанесения преступником морального урона

гражданину или ущерба деловой репутации организации необходим личный взгляд потерпевшей стороны – обладателя нематериальных ценностей или репутационного статуса. Таким образом, решение должно основываться на конкретных фактах, полученных непосредственно от пострадавшего гражданина или организации согласно установленным правовым процедурам. Однако возникает естественный вопрос: каким именно способом надлежит получать подобные сведения, учитывая отсутствие в УПК РФ прямого указания на процедуру допроса гражданского истца, равно как и определения понятия показаний или объяснений последнего?

ПРОБЕЛЫ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПОРЯДКЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПОКАЗАНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА

Неопределенность правовых норм в составе института гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства вынуждает органы, ведущие уголовный процесс, обращаться к применению аналогичных юридических конструкций, которые зачастую не соответствуют особенностям частноправового характера. При подготовке данной статьи автором было изучено 148 судебных актов, вынесенных судами Российской Федерации первой и апелляционной инстанций по уголовным делам, что дало возможность выявить последствия правовых пробелов – нарушение единства понимания процессуального статуса и правил дачи показаний гражданским истцом.

Практика показывает, что одним из путей преодоления подобного законодательного вакуума становится заимствование процессуальных норм, касающихся допроса потерпевших, особенно ввиду того факта, что подавляющее число исков исходит непосредственно от лиц, признанных

⁴ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 15 нояб. 2022 г. № 33 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2023. № 2.

потерпевшими. Единство оснований для приобретения лицом статусов потерпевшего и гражданского истца проявляется в факте нанесения физических увечий, материальных убытков или ущерба моральному состоянию гражданина (или же урона репутации юридического лица), тогда как ключевой принцип установления данного статуса, согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 23, заключается в наличии прямой причинно-следственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями, что существенно уменьшает количество субъектов, обладающих правом выдвижения соответствующих требований.

А. В. Лунево́й, С. Н. Воробей высказано мнение о необходимости дополнения перечня доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ показаниями гражданского истца. Данные авторы полагают, что отсутствие этих показаний в перечне не позволяет реализовывать права гражданского истца при его несовпадении в одном лице с потерпевшим [2, с. 54]. Д. В. Шаров отмечает, что права гражданского истца могут быть просто присоединены к правам потерпевшего без ущерба для защиты его прав, говоря о гражданском истце как избыточной фигуре уголовного процесса [3]. Поддерживая актуальность вопроса о правовом пробеле в отношении показаний гражданского истца, в то же время полагаем, что приведенное выше разъяснение из Постановления Пленума ВС РФ № 23 не дает оснований считать гражданского истца автономной фигурой в уголовном процессе с самостоятельным предметом показаний, и предлагаем рассматривать проблему с точки зрения сочетания процессуальных статусов.

Известно, что правом подачи гражданского иска наделены не только непосредственные жертвы преступлений. Возможность обращения в суд в защиту прав

третьих лиц предоставлена также законным представителям потерпевших либо прокурору. Важно отметить, что обращение с иском не лишает указанных субъектов их изначального правового положения – напротив, оно лишь расширяет перечень их полномочий, дополняя новым статусом гражданского истца. Теоретически возможна ситуация, когда родитель или попечитель одновременно выступает гражданским истцом и осуществляет функции официального представителя в рамках уголовного дела. Однако ввиду сохранения всех основных функций представитель не утрачивает своего первичного статуса. Таким образом, фигура гражданского истца приобретает значение дополнительной правовой конструкции, существующей параллельно основному процессуальному положению субъекта. Подавая иск, потерпевшие, законный представитель или прокурор реализуют закрепленные законом права и обязанности гражданского истца, согласно ст. 44 УПК РФ, которые служат дополнением, а не заменой исходных полномочий соответствующих участников процесса.

Анализируя изложенное ранее, мы приходим к выводу, что лицо, пострадавшее вследствие совершенного преступления и подавшее гражданский иск, получает дополнительные полномочия в качестве гражданского истца, включая возможность давать показания по существу предъявленного иска. Вместе с тем оно сохраняет весь спектр прав, установленных ст. 42 УПК РФ. Некоторые исследователи, например, авторы научного комментария к УПК РФ под руководством В. М. Лебедева и В. П. Божьева, подчеркнули важность рассмотрения ситуаций, когда гражданин выступает сразу в двух ролях – потерпевшего и гражданского истца⁵. Однако такая множественность ролей нередко

⁵ Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В. К. Бобров, В. П. Божьев, С. В. Бородин и др. ; под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-Издат, 2007. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

порождает коллизии, затрудняя реализацию обеих функций.

Принимая во внимание положения чч. 2 и 5 ст. 42 УПК РФ, становится ясно, что обязанность предоставления показаний входит в круг обязательств потерпевшего наряду с его правом. Уклонение от дачи показаний либо предоставление заведомо неправдивой информации (за исключением случаев, прямо указанных в ст. 51 Конституции Российской Федерации), влечет уголовную ответственность согласно ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Важно отметить двойственную природу показаний потерпевших, выступающих одновременно в роли и информаторов, сообщающих обстоятельства произошедшего события, и субъектов, защищающих собственные интересы путем изложения фактов и своего мнения относительно рассматриваемого дела.

Таким образом, предоставленные показания служат не только инструментом для раскрытия сути преступного деяния, но и способом отражения позиции потерпевшего в ходе судебного разбирательства. Законодательно потерпевшему предоставлена свобода формулирования собственных выводов относительно предоставляемых сведений, однако фактические утверждения и субъективная оценка рассматриваются законодателем одинаково, будучи объединенными единым требованием добросовестности и объективности. Законодатель не разделяет составляющие показаний потерпевшего (факты и объяснения) в запрете лжесвидетельствовать под угрозой уголовной ответственности.

Для гражданского истца законодатель, напротив, прямо разделяет формы участия в уголовном судопроизводстве на показания и объяснения, хотя при этом не определяет ни их нормативное содержание, ни порядок их получения и оформления.

Какие особенности имеет предоставление показаний гражданским истцом со-

гласно действующему законодательству? Обобщив положения уголовного процесса относительно иных субъектов (ст.ст. 76–80 УПК РФ), можно сказать, что под показанием понимается информация о событиях, передаваемая лично уполномоченному должностному лицу в ходе следственного действия – допроса. Согласно пп. 5 и 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ истец вправе давать показания и объяснения на своем родном языке и быть осведомленным о возможности использования сделанных им утверждений в качестве доказательств, а также обладает правом отказа от дачи показаний против самого себя либо ближайших членов семьи. Однако само понятие «показания гражданского истца» в тексте закона отсутствует. Детально процедура допроса остальных лиц изложена в положениях гл. 26 и ст.ст. 277–278 УПК РФ. Законодательство закрепляет процедуры проведения и документирования допроса, устанавливая рамки полномочий должностных лиц, перечень допустимых участников и тематику вопросов (так, специалист подлежит допросу исключительно по вопросам своего экспертного заключения). Между тем конкретные правила реализации права гражданского истца на дачу показаний и обязанности компетентного органа или должностного лица их зафиксировать не установлены положениями российского уголовно-процессуального законодательства. Суды, мотивируя свои решения по уголовному делу, тем не менее допускают в качестве обоснования показания, полученные при допросе гражданского истца. Например, Московский городской суд апелляционным постановлением от 8 февраля 2022 г. по делу № 10-2306/2022 назвал ошибочным вывод суда первой инстанции, признавшего невозможным допрос гражданского истца, и указал следующее: «Права и обязанности гражданского истца, в общем и целом, близки к правам и обязанностям потерпевшего. Так, говоря о праве гражданского

истца давать показания, а также отказаться свидетельствовать против себя и ряда других лиц (пп. 5, 7 ч. 4 ст. 44 УПК), законодатель признает возможность его допроса. Гражданский истец может быть допрошен в ходе судебного и досудебного производства, его показания могут быть использованы в качестве доказательств по делу. В случае согласия гражданского истца дать показания на него распространяются те же гарантии, которыми располагают свидетели и потерпевшие»⁶.

В научной литературе также отмечается, что сопоставление текстов п. 7 ч. 4 ст. 44 и п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что процедура допроса гражданского истца должна соответствовать процессуальным нормам, установленным для потерпевших⁷. Думается, что применение допроса потерпевшего в качестве аналогии для оформления процессуального участия гражданского истца не самый верный путь, поскольку законодатель продемонстрировал различный подход к установлению прав и ответственности потерпевшего и гражданского истца.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 78 УПК РФ, показания потерпевшего подлежат проверке относительно всех аспектов уголовного дела, однако такие категории, как вопросы права собственности или правомерности подачи гражданского иска, не охватываются предметом доказывания по уголовному делу, регламентированному ст. 73 УПК РФ. Гражданско-правовая квалификация является отдельным вопросом, решение которого зависит исключительно от позиции сторон гражданского спора – гражданского истца и гражданского ответчика. Более того, суд обязан соблюдать заявленные истцом

границы искового заявления и не имеет полномочий самостоятельно расширять сферу исследования доказательств.

Сфера доказывания в рамках уголовного производства отличается значительным объемом и направлена преимущественно на установление события преступления и виновности обвиняемого. Для разрешения же гражданского иска важно детализировать конкретные имущественные или неимущественные последствия правонарушения и провести оценку ущерба в денежном выражении, что требует отдельного порядка доказывания.

Таким образом, действующая правовая конструкция предмета показаний гражданского истца не охватывает в полной мере объем сведений, содержащихся в показаниях потерпевшего. Буквальное толкование ч. 2 ст. 78 УПК РФ освобождает следователя, дознавателя, участников процесса и суд от обязанности выяснять в ходе допроса потерпевшего факты, касающиеся гражданского иска, либо фиксировать такие показания отдельным протоколом. Вместе с тем разделение содержания показаний потерпевшего относительно характера и размера вреда и аналогичных показаний того же лица в качестве гражданского истца представляет значительную сложность, особенно на этапе досудебного производства, когда информация о правонарушении недостаточна для однозначной оценки с точки зрения гражданских правоотношений.

Анализируя ситуацию правовой неопределенности относительно порядка допроса гражданского истца и ответчика, Н. В. Осодоева утверждает, что установление обстоятельств гражданского иска должно осуществляться путем процессуального оформления, соответствующего

⁶ URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/b53dd660-88f0-11ec-8ef9-998431e1a45a?ysclid=md5votztdy965613555> (дата обращения: 15.07.2025).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Е. К. Антонович, Е. А. Артамонова, Д. П. Великий и др. ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. М. : Ред. «Рос. газ.», 2015. Вып. III–IV. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

основным ролям указанных лиц – потерпевшего и обвиняемого [4, с. 191]. Соглашаясь с данной позицией, полагаем, что необходимо дополнить ч. 2 ст. 78 УПК РФ положениями, отражающими конкретные аспекты гражданского иска. Подобная мера позволит повысить юридическую значимость показаний потерпевшего, выступающего также гражданским истцом. Однако следует учитывать возникшую проблему законности предупреждать потерпевших – гражданских истцов об уголовной ответственности, учитывая отсутствие соответствующей гипотезы в норме ст. 307 УК РФ, предусматривающей ответственность потерпевшего, но не гражданского истца за отказ от показаний или дачу заведомо ложных показаний

Норма п. 7 ч. 4 ст. 44 УПК РФ подчеркивает добровольный характер дачи показаний гражданским истцом. Согласно указанной норме показания принимаются лишь тогда, когда истец выражает согласие на их предоставление, причем данное согласие сопровождается обязательным уведомлением о возможностях их последующего использования в рамках доказывания. Использование выражения «при согласии» акцентирует внимание на свободе выбора стороны процесса, что вступает в противоречие с обязанностью свидетельствовать, предусмотренной для потерпевших. Именно эта особенность делает недопустимым применение правил допроса свидетелей при получении показаний от гражданских истцов.

Обратившись к опыту правового регулирования ближайшего зарубежья, рассмотрим, как решен вопрос о показаниях гражданского истца в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее – УПК РК), содержащем отдельную гл. 20 о гражданском иске в уго-

ловном деле. В пунктах 3 и 5 ч. 2 ст. 73 УПК РК право гражданского истца на объяснения и показания установлены аналогично пп. 3 и 5 ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Однако, устанавливая обязанности гражданского истца, ч. 4 ст. 73 УПК РК отсылает к обязанностям потерпевшего, установленным ч. 8 ст. 71 УПК РК, а именно: явиться по вызову органа, ведущего уголовный процесс, правдиво сообщить все известные по делу обстоятельства и ответить на поставленные вопросы; не разглашать сведения об обстоятельствах, известных ему по делу; соблюдать установленный порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания⁸. Таким образом, УПК РК установлена обязанность гражданского истца предоставлять показания, а допустимость его привлечения органом, осуществляющим уголовное судопроизводство, свидетельствует о возможности проведения допроса как на этапе предварительного расследования, так и непосредственно в ходе судебного разбирательства. Следует отметить, что данная позиция демонстрирует стремление законодателя обеспечить большее сходство между участием гражданского истца и потерпевшего в процессе доказывания. Однако отсутствие в ст. 73 УПК РК прямого указания на применимость положений п. 10 ст. 71 УПК РК относительно уголовной ответственности потерпевших подчеркивает специфику статуса гражданского истца и подтверждает, что меры уголовного наказания за уклонение либо предоставление заведомо недостоверных сведений на него не распространяются. Между тем, учитывая тот факт, что процедура допроса гражданского истца не урегулирована ни в УПК РК, ни в российском процессуальном законодательстве, суды получают право прибегать к аналогиям закона при разрешении соответствующих вопросов.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан // ИПС «Әділет». 2025. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 15.07.2025).

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА И ПРОКУРОРА**

Хотя совмещение допроса потерпевшего и гражданского истца объяснимо некоторым сходством содержания их показаний, то для предъявившего иск прокурора либо законного представителя гражданского иска отсутствует возможность заполнить этот правовой пробел аналогичным образом: проведение допроса законных представителей и самого гражданского истца прямо не предусмотрено УПК РФ. Впрочем, на практике именно устные заявления законного представителя, выступающего в защиту прав несовершеннолетних (малолетних) потерпевших, становятся практически единственным важным источником информации, необходимой для рассмотрения гражданского иска.

Например, приговором Истринского городского суда Московской области от 25 декабря 2024 г. по делу № 1-359/2024 разрешен гражданский иск о компенсации имущественного и морального вреда, заявленный в интересах малолетнего потерпевшего. Удовлетворяя иск частично, суд сослался на показания гражданского истца – законного представителя – о том, что потерпевший длительное время находился на лечении, испытывал сильнейшую физическую боль, перенес хирургическую операцию, направленную на восстановление его здоровья, до настоящего времени от полученных травм полностью не восстановился, передвигается самостоятельно с трудом, вынужден использовать инвалидное кресло, а полученные травмы отразились на его психоэмоциональном состоянии⁹. Приведенный пример иллюстрирует то обстоятельство, что терминологически «показания» не слишком вер-

но отражают выступление гражданского истца, который связывает излагаемые факты со своими требованиями, а не просто передает суду известные ему сведения. Считаем, что отказ от такой формы участия гражданского истца, как дача показаний, в пользу объяснений выглядел бы более логично с точки зрения его процессуальной роли. Такое решение потребовало бы признать объяснения гражданского истца доказательством и включить их в перечень ч. 2 ст. 74 УПК РФ, что сняло бы вопрос об их допустимости и не препятствовало бы оценке доказательства с учетом процессуального интереса стороны.

Следует отметить, что предлагаемые изменения позволили бы исправить еще одну существенную проблему действующего порядка защиты гражданских прав потерпевших. Согласно закону гражданские иски вправе заявлять как физические лица, так и организации, причем представители юридических лиц реализуют процессуальные полномочия именно от имени последних (ч. 3 ст. 45 УПК РФ). Показания, будучи устным сообщением, могут быть даны только физическим лицом, показания же представителя гражданского истца уголовно-процессуальным законом не предусмотрены. Потерпевший и гражданский истец не могут наделить представителя своим правом давать показания, учитывая неотделимость такого права, справедливо замечает Ж. В. Самойлова [5, с. 102]. Получается, что в случае предъявления иска юридическим лицом такой гражданский истец вообще лишен возможности давать показания. В этих условиях признание объяснений доказательством позволило бы юридическому лицу в полной мере реализовать свои права по отстаиванию гражданского иска в уголовном процессе.

⁹ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z06Bat4RWgYr/?ysclid=md4ngy2xye751433749> (дата обращения: 15.07.2025).

**ОБЪЯСНЕНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА
КАК СПОСОБ ОБОСНОВАНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ**

Надо признать, что современные ученые-криминалисты проявляют интерес к термину «объяснение», рассматривая его преимущественно как инструмент сбора сведений на начальной стадии предварительного расследования перед возбуждением уголовного дела. Очевидно, что подобное восприятие термина делает невозможным применение данного понятия к полномочиям гражданских истцов в рамках уголовной процедуры. Между тем Постановление Пленума ВС РФ № 23 не внесло ясности относительно роли объяснений гражданского истца в общей структуре процесса доказывания.

Подробное исследование природы объяснений более свойственно гражданской процессуальной доктрине. Законодательство в области гражданского судопроизводства наделяет объяснения участников спора значением полноценного доказательства, позволяя суду основывать свое решение исключительно на пояснениях одной из сторон. Но теоретики гражданского процесса считают объяснения сторон средством доказывания лишь постольку, поскольку они содержат конкретные факты и обстоятельства. Волеизъявления, доводы, аргументы, правовая оценка событий, как полагал М. К. Треушников, судебными доказательствами не являются [6, с. 171]. Сравнивая две формы судопроизводства, мы приходим к выводу, что объяснение стороны в гражданском процессе как источник фактов в большей степени соответствует показаниям гражданского истца в уголовном процессе, тем более что действующее гражданское процессуальное законодательство не знает понятия показаний стороны. В то же время ученые-цивилисты отмечали, что объяс-

нениям присуща и волевая составляющая, что позволяет говорить о таких формах объяснений стороны, как утверждение, признание, возражение, отрицание¹⁰. Так, один из первых советских цивилистов, изучавших природу объяснения, С. В. Курьев признавал его инициативным и самостоятельным действием стороны, в отличие от показаний, данных на допросе [7, с. 12]. Считаем, что именно этот взгляд нашел отражение в современном законодательстве, касающемся уголовного судопроизводства. Обоснованием подобного подхода служит полнота юридической конструкции п. 3 ч. 4 ст. 44 УПК РФ («давать объяснения по предъявленному иску»), подразумевающей необходимость изложения позиции по делу.

Допущение одновременного существования двух видов высказываний — объяснений и показаний — ставит точку в вопросе природы объяснений гражданского истца. Его пояснения представляют собой аргументированное мнение, выражающее отношение к предмету судебного разбирательства. Однако аналогично ситуации с показаниями гражданского истца действующими нормами уголовно-процессуального законодательства не регламентируется ни способ подачи объяснений самим участником процесса (в устной либо письменной форме), ни порядок их принятия уполномоченными органами. Более того, принятая ныне практика оформления дополнительной доказательственной информации посредством приобщения иных документов неприменима к рассматриваемому случаю, поскольку закон прямо не предусматривает возможность включения объяснений в перечень доказательств по уголовному процессуальному законодательству и не признает их документами. Следовательно, помимо признания объяснений участников процесса юридически значимыми материалами

¹⁰ Курс доказательственного права: гражданский процесс, арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М. : Статут, 2014. С. 250.

дела, целесообразно закрепить в тексте закона процедуру фиксации и формы предоставления таких пояснений, дополнив п. 3 ч. 4 ст. 44 УПК РФ словами: *«Объяснение гражданского истца по иску может быть представлено в письменной форме или в устной форме с занесением в протокол».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье мы ограничились рассмотрением узкого фрагмента круга дискуссий вокруг гражданского иска в рамках российского уголовного судопроизводства. При этом наша цель заключалась вовсе не в вовлечении в полемику относительно оправданности существования данного института. Уже подчеркивалась значимость гражданского иска как действенного инструмента восстановления нарушенных преступлением материальных и личностных нематериальных интересов потерпевших – данное утверждение подкрепляется исследованными эмпирическими данными. Однако детальное изучение норм законодательства и практики правоприменителя выявляет потребность углубленного анализа процедуры доказывания по гражданскому иску, реализуемой в принципиально иной процессуальной среде. Обобщение высказанных ранее аргументов о нехватке нормативного регулирования позволяет сформулировать следующие итоговые положения:

– не разрешенный в действующем законодательстве вопрос о доказательственном значении показаний и объяснений гражданского истца вызывает сомнения в их допустимости для обоснования решения по гражданскому иску в приговоре – полагаем, что способом разрешения этого противоречия является включение объяснений гражданского истца в перечень источников доказательств ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

– порядок и форма представления объяснений гражданского истца требует своего урегулирования как для стадии предварительного расследования, так и для судебного разбирательства – предлагаем в законе указать, что объяснения истца по заявленному гражданскому иску могут быть предоставлены в письменной или устной форме с занесением в протокол;

– допрос гражданского истца по правилам допроса потерпевшего, по нашему мнению, неприемлем, ввиду того что на истца не может быть возложена обязанность давать показания в обоснование исковых требований и ответственность за отказ или дачу заведомо ложных показаний, – предлагаем исключить из ст. 44 УПК РФ право гражданского истца давать показания, такой отказ может быть компенсирован правом на предоставление объяснения, а также включением в предмет показаний потерпевшего сведений о гражданском иске.

В качестве постскриптума следовало бы сделать замечание о зеркально предоставленном законом праве гражданского ответчика на показания и объяснения. Предлагаемые меры по преодолению пробелов и противоречий в уголовно-процессуальном законе могут быть рассмотрены применительно и к правам последнего. Но в силу отличительных особенностей данного участника процесса (действие презумпции невиновности, случаи несения ответственности за причинителя вреда, дополнительные процессуальные гарантии обвиняемого, вопросы обеспечения представительства по противостоянию гражданскому иску наряду с защитой от уголовного обвинения и др.) совершенствование законодательства в части изменения полномочий гражданского ответчика требует самостоятельного осмысления и научного обоснования.

Список литературы

1. Сушина Т. Е. Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3 (231). С. 136–147. DOI: <https://doi.org/10.12737/18039>
2. Лунева А. В., Воробей С. В. Проблемы реализации гражданским истцом своих прав в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 51–55.
3. Шаров Д. В. Гражданский истец в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. № 1. С. 123–124.
4. Осодоева Н. В. Производство допроса гражданских истцов и гражданских ответчиков в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 191–192. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10226>
5. Самойлова Ж. В. К вопросу об участии представителя гражданского истца в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2 (16). С. 102–109.
6. Треушников М. К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. М. : Городец, 2021. 302 с.
7. Курылев С. В. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М. : Госюриздат, 1956. 188 с.

References

1. Sushina T. E. Civil Suit as a Part of Criminal Case: Theory and Practice. *Journal of Russian Law*. 2016;3:136-147. DOI: <https://doi.org/10.12737/18039> (In Russ.)
2. Luneva A. V., Vorobei S. V. Issues of Implementation of Civil Plaintiffs' Rights by Themsevs in Criminal Proceedings of Russia. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*. 2018;1:51-55. (In Russ.)
3. Sharov D. V. The Civil Plaintiff in Criminal Proceedings. *Judicial Authority and Criminal Process*. 2012;1:123-124. (In Russ.)
4. Osodoeva N. V. Interrogation of Civil Plaintiffs and Civil Defendants in Criminal Proceedings. *State Service and Personnel*. 2020;4:191-192. DOI: <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10226> (In Russ.)
5. Samoilova Zh. V. The Question of the Participation of a Representative of the Civil Party in Criminal Proceedings. *Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2017;2:102-109. (In Russ.)
6. Treushnikov M. K. *Judicial Evidence*. 5th ed. Moscow: Gorodets Publ.; 2021. 302 p. (In Russ.)
7. Kurylev S. V. *Explanations of the Parties as Evidence in Soviet Civil Procedure*. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1956. 188 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алевтина Владимировна Хомякова, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Южного федерального университета (ул. Большая Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация), кандидат юридических наук; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1708-4887>; e-mail: avhomyakova@sfedu.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alevtina V. Khomyakova, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics at the Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation), Candidate of Legal Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-1708-4887>; e-mail: avhomyakova@sfedu.ru

Поступила | Received
23.07.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
04.06.2025

Принята к публикации | Accepted
06.06.2025